

Мейерберг Августин

**Путешествие в Московию барона Августина
Майерберга, члена Придворного совета и
Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и
члена Правительственного совета нижней
Австрии, послов августейшего римского
императора Леопольда к царю**

УДК 379.85
ББК 75.81
А18

А18 **Августин М.**
Путешествие в Московию барона Августина Майерберга, члена Придворного совета и Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена Правительственного совета нижней Австрии, послов августейшего римского императора Леопольда к царю / Мейерберг Августин – М.: Книга по Требованию, 2024. – 257 с.

ISBN 978-5-519-96056-4

ISBN 978-5-519-96056-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

„Кромѣ этого путешествія, замѣчаетъ Аделунгъ, Майербергъ оставилъ еще не менѣе достопримѣчательное собраніе чертежей и рисунковъ, по распоряженію его сдѣланныхъ сопровождавшимъ его искуснымъ художникомъ, которые, представляя разныя мѣстоположенія, обряды и другіе предметы, обратившіе на себя вниманіе его, служатъ драгоцѣннымъ дополненіемъ къ описанію сего путешествія. Любопытное собраніе сіе, однако, имъ не издано, но, сдѣлавшись, по какому-то случаю, собственностію Королевской Библіотеки въ Дрезденѣ, оставалось тамъ и по нынѣ, будучи почти совсѣмъ неизвѣстнымъ свѣту. Первое свѣдѣніе о немъ Аделунгъ получилъ отъ Главнаго тамошняго Библіотекаря, Эберта, къ которому, по препорученію покойнаго Государственнаго Канцлера, Графа Н. П. Румянцева, отнесся онъ, для полученія извѣстій о имѣющихся въ той Библіотекѣ рукописяхъ, къ древней Исторіи Россіи относящихся. Эбертъ поспѣшилъ сообщить просимое, а Государственный Канцлеръ поручилъ было Аделунгу издать вѣрные снимки съ упомянутыхъ чертежей посредствомъ литографіи, вмѣстѣ съ нужнымъ къ нимъ для поясненія описаніемъ, что, однако, приведено въ исполненіе уже по смерти Канцлера, при содѣйствіи брата его, Графа С. П. Румянцева.“ Чертежи и изображенія эти приложены къ названному въ началѣ нами сочиненію Аделунга, которому они, по увѣренію его (стр. VI), были и первымъ поводомъ: въ немъ Аделунгъ собралъ все, что лишь могъ найти о путешествіи Майерберга, его пребываніи у насъ, политической цѣли его посольства, равно какъ и свѣдѣнія, къ литературѣ сего сочиненія относящіяся. Желаящіе ближе познакомиться какъ съ самими сими изображеніями, такъ объясненіями къ нимъ и по поводу ихъ разными свѣдѣніями, да благоволятъ обратиться къ самой книгѣ Аделунга о Баронѣ Майербергѣ и путешествіи его по Россіи, вышедшей въ одинъ и тотъ же годъ на Нѣмецкомъ языкѣ и въ переводѣ на Русскій.

О. БОДЯНСКІЙ.

17-го Декабря, 1873 г.
Москва.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ МОСКОВІЮ

БАРОНА АВГУСТИНА МАЙЕРВЕРГА.

Русское Царство, которое нынѣ мы называемъ Московскимъ, нѣкогда простиралось широко по обомъ берегамъ Днѣпра (Борисѣена). Но въ началѣ XI-го столѣтія по Христіанскому лѣтосчисленію, когда, съ одной стороны, сперва напали на него Поляки, а потомъ, съ другой стороны, Литовцы, оно сильно уменьшилось въ продолженіи чуть не 400-лѣтней тяжелой войны. Потому что все теченіе Днѣпра, отъ его истоковъ до устья, съ Бѣлою (alba) и Черною (nigra), иначе Красною (rubra), или Малою (parva) Русью и обширнѣйшею Сѣверскою областью (Severiensē ditione), Поляки и Литовцы постепенно отняли у Русскихъ Князей во многихъ походахъ. А Витовтъ (Vitoldus), Великій Князь Литовскій, въ 1414-мъ году отпалъ у нихъ еще и великій Новгородъ (Novogardiā), и Псковъ (Plescoviā). Однако жь, когда Иванъ Васильевичъ старшій (senior Joannes Basilides), съ безстрашною отвагою свергнулъ съ себя и съ своею Московію (Moscovia) Татарское иго, онъ взялъ обратно великій Новгородъ, послѣ семилѣтняго obleganiā, въ 1477 году, въ царствованіе въ Польшѣ Казимира III-го. Послѣ того какъ Сѣверскіе Князья перешли къ нему отъ зятя его, Александра Литовскаго, онъ опять привелъ подъ свою власть почти всю Сѣверскую область (Severia). Сыномъ же его и преемникомъ, Василіемъ, возвратилъ себѣ, въ 1509 году, Псковъ, съ помощію нѣмцынъ духовенства, а спустя пять лѣтъ потомъ и самый Смоленскъ (Smolensciā), отпавшій у Сигизмунда 1-го перебѣжчикомъ Михаиломъ Глинскимъ (Linckziū).

Потомъ Стефанъ Баторій (Bathoreus) такъ смирилъ гордость Ивана Васильевича младшаго (junioris Joannis Basilidis), въ своихъ трехъ походахъ въ Московію, подъ личнымъ, храбрымъ и счастливымъ, начальствомъ, что этотъ хитрый лицемѣръ умолялъ о миротворномъ посредничествѣ Римскаго Первосвященника, Григорія XIII-го, подававши ему блестящихъ обѣщаній. Папа, въ свою

очередь, послалъ Антонія Посевина (Possevinu.), богослова изъ Общества Езуитовъ, который, не успѣвъ уладить между ними прочнаго договора на условіяхъ постояннаго міра, выгодныхъ для обѣихъ сторонъ, хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время остановить взаимное раздраженіе противниковъ. Такъ, въ 1582 году, онъ и склонилъ Стефана къ десятилѣтнему перемирію, заключенному на томъ условіи, чтобы Иванъ сначала возвратилъ Ливонію, а между тѣмъ поискать средства, какъ бы на свои военныя издержки и своимъ же оружіемъ взять назадъ Эстонію (Esthonia), отпугнутую у Польскаго Короля Шведами, и тоже, согласно договору, возвратить ее Полякамъ, равно какъ условиться, какимъ способомъ отдать Польшѣ обратно Смоленское и Сѣверское Княжества.

Стефанъ умеръ отъ удара, 13-го Декабря, 1586 года. На восьмой мѣсяцъ послѣ того выбранъ былъ Королемъ Сигизмундъ III, сынъ Юанна, того Короля Шведскаго, который все еще удерживалъ за собою Эстонію. А сынъ Ивана Васильевича, Феодоръ, по кончинѣ отца, 18 Марта, 1584 года, держалъ наслѣдственный скипетръ Московіи руками своего шурина, Бориса Годунова. Хотя онъ и освобожденъ былъ отъ обязанности возвратить Эстонію, которую Швеція обѣщалась отдать, по договору съ Польшею, при избраніи Сигизмунда, совсѣмъ тѣмъ взять вооруженною рукою Шведскую Нарву въ Ижорѣ (Ingria), въ 1590 году. Черезъ пять лѣтъ потомъ Сигизмундъ заключилъ съ нимъ мирный договоръ на 20 лѣтъ, стараніями Барона Эрнфрида Минковича (Ernfridi a Minskowicz) и Николая Варкоша изъ Нейшница (Nicolai Warcolsch a Nebschütz), Пословъ Императора Рудольфа, а по смерти Феодора подтвердилъ этотъ миръ съ его преемникомъ, Борисомъ Годуновымъ, въ 1598 году, благодаря старанію Литовскаго Канцлера Льва Сапѣги (Leonis Sapiehae).

Въ 1604 году, послѣ того, какъ этотъ же Борисъ Годуновъ тайно, съ помощію злодѣевъ, убилъ Димитрія Ивановича въ Угличѣ, за этого убитаго Царевича выдалъ себя разстриженный монахъ, Гришка Отрепьевъ (Griska Uterpeia); однако жъ, хоть и поддержанный Польскою помощію въ продолженіе полутора года, онъ понесъ наказаніе за безрасудно веденный обманъ. На опустѣломъ Царскомъ престолѣ, съ общаго согласія Москвитянъ (Moschotum), сѣлъ Василій Ивановичъ изъ Князей Шуйскихъ (Vasilius Juanowicz ex Ducibus Suiskii). Впрочемъ, другой обманщикъ, продуманной не меньше перваго, убитаго, выдалъ себя за Царя

Димитрія, тайкомъ будто бы увернувшася во время мятежа и ввергнулъ Московію въ новыя смуты.

При такой невагодѣ еще Сигизмундъ стѣснилъ жестокою осадой Смоленскъ 1-го Октябрю, 1609 года, а по тому Москвитяне, не будучи въ силахъ управиться съ такимъ числомъ враговъ, свели съ престола своего Царя Василія, постыдно презираемаго за не благоволившее къ нему счастье, и на его мѣсто выбрали сына Сигизмундова, Владислава (Uladislaum), на томъ условіи, чтобы онъ принялъ крещеніе и исповѣдывалъ Вѣру по Московскому обряду (Moschovitico ritu). Но Сигизмундъ, чувствуя справедливое отвращеніе къ такому дурному дѣлу, и домогался для себя Великаго Княжества Московскаго, чтобы передать его сыну, Владиславу, медлилъ посылать Королевича въ Москву, чего такъ настоятельно требовали Москвитяне; когда же они не хотѣли сдать Смоленска до исполненія этого условія, онъ взялъ этотъ городъ силою 13-го Іюня, 1611 года. Но Москвитяне, осадившіе тогда Поляковъ въ Москвѣ, въ послѣдствіи выгнали ихъ оттуда, впрочемъ не прежде, пока Поляки не выжгли всего этого города и не произвели жестокаго побоища между жителями.

Москвитяне, раздраженные столькими обидами и потерями, отказавшись отъ Владислава, предпочли взять себѣ въ Государя Михаила Романова (Michaelen Romanowium), сына Ростовскаго Митрополита Филарета, благороднаго, хоть и не знатнаго, происхожденія.

Онъ настоятельно просилъ, торжественнымъ посольствомъ Римскаго Императора Матѳіа, чтобы этотъ соизволилъ быть восстановителемъ мира между Москвитянами и Поляками. Легко склонясь на эту просьбу, Матѳій (Matthias) отправилъ Посла, Эразма Гейделя (Heidelbergium), который, въ 1615 году, въ качествѣ посредника между уполномоченными обѣихъ сторонъ, переходилъ, въ городъ Визмъ (Wiesmae). то къ тѣмъ, то къ другимъ, однако жъ не въ силахъ былъ убѣдить ихъ къ заключенію равно пріятныхъ для нихъ мирныхъ условій. Напротивъ, еще въ слѣдующемъ же году Москвитяне сдѣлали напрасное нападеніе на Смоленскъ. Но потомъ Владиславъ, вторгшись съ сильнымъ войскомъ, въ внутреннія области Московіи, привелъ долговременнымъ облежаніемъ въ опасное положеніе самую Москву и приступилъ къ ней; однако жъ, такъ какъ и Владислава тоже стѣсняли разныя домашнія неурядицы, то, при деревнѣ Деулинѣ (Divulinum), въ

исходѣ 1618-го года, завязались переговоры, на которыхъ обѣ стороны и заключили на 14 лѣтъ съ половиною перемиріе.

Подъ исходъ этого перемирія сильно вооруженные Москвитяне напали на Смоленскъ, подъ начальствомъ Князя Михайла Борисовича Шеина (Sehino), которому въ послѣдствіи отрубили на Московской площади голову, какъ измѣннику. Однако жъ, когда неожиданно подоспѣвшій Владиславъ отразилъ ихъ, нанесъ имъ сильное пораженіе, и отбѣлъ у нихъ станъ, они согласились на болѣе почетныя мирныя условія въ 1634 году при рѣкѣ Поляновкѣ (Polanovam), между Вязмою и Дорогобужемъ (Drohoobusum). По условіямъ этого мира, Владиславъ уступилъ Михаилу, вмѣстѣ съ титуломъ, всѣ свои права на верховную власть въ Московіи, но удержалъ за собою въ вѣчномъ владѣніи Княжество Смоленское и Сѣверское, со всѣми землями, также и титулами этихъ Княжествъ.

Послѣ скорѣпостижной смерти Михаила, 12-го Іюля, 1645 года, хотя сынъ его, Алексѣй, возобновилъ этотъ миръ, сначала съ Владиславомъ, а по смерти его, 20-го Мая, 1648 года, подтвердилъ клятвою, съ его братомъ преемникомъ, Іоанномъ Казимиромъ, совсѣмъ тѣмъ въ послѣдствіи не хотѣлъ ставить его ни во что.

Москвитянь поджигало воспоминаніе бѣдствій, которыя Поляки, вступавшіе къ нимъ защитниками лукавыхъ продѣлокъ Лжедмитріевъ, далеко разнесли по областямъ ихъ Царства въ пожарахъ и убійствахъ. Ихъ подстрекали къ мести также Княжества Смоленское и Сѣверское, отторгнутыя отъ Московіи Сигизмундомъ въ трудное время Московской смуты и, не смотря на старанія Москвитянь, удержанныя храбростію Владислава, на основаніи вынужденныхъ невыгодныхъ для нихъ мирныхъ условій. Такъ они все и искали случая возвратить свои потери и вмѣстѣ расплатиться метательнымъ оружіемъ съ Поляками за всѣ убытки и обиды.

Въ числѣ другихъ условій Поляновскаго договора постановлено было, чтобы, въ видахъ устраненія на будущее время повода къ несогласіямъ, какой подавали до сихъ поръ ошибки въ титулахъ, предписанъ былъ извѣстный образецъ этихъ титуловъ, котораго и должны неизмѣнно держаться Польскіе Короли и Московскіе Цари, въ ихъ взаимныхъ письменныхъ сношеніяхъ. Вотъ Москвитяне и собрали съ особенною заботливостію и тщательно хранили много писемъ Польскаго Короля къ Царю, въ которыхъ, по словамъ ихъ, съ умышленнымъ пренебреженіемъ, на что жаловался и Царь, вкрались койкакія неважныя ошибки, по

оплошности писцовъ и по незнацію Московскаго нарѣчія и образа выраженія. А какъ Москвитяне видѣли, что возстаніе Запорожскихъ Козаковъ значительно ослабляетъ и развлекаетъ военныя силы Польши, то немедленно и воспользовались выпавшимъ случаемъ, котораго добивались уже давно.

Черезъ своего Посла, Георгія Гавриловича Пушкина (Georgium Naugilowicz Putzkin), съ товарищами, Алексѣй съ большимъ многословіемъ жаловался Королю, Іоанну Казимиру, на злонамѣренныя перемѣны и искаженія его титуловъ въ Королевскихъ письмахъ, къ его Царскому безчестию, просилъ и требовалъ настоятельно, чтобы съ писавшими эти письма, какого бы званія они ни были, поступлено было по закону Владислава о преступленіи противъ Величества.

Поляки видѣли, что Москвитяне дѣлали это требованіе только съ тѣмъ, чтобы имѣть предлогъ къ нарушенію мира во время такихъ невзгодъ Республики, и, для предупрежденія ихъ намѣреній, отвѣчали, что, по Королевскому приказу, обвиняемые приглашены къ отвѣту на ближайшемъ сеймѣ, на который и Алексѣй пускай присылаетъ своихъ уполномоченныхъ въ качествѣ обвинителей, съ доказательствами, увѣряя его, что Король накажетъ виновныхъ даже смертною казнію.

Посолъ Пушкинъ, удовлетворенный Королевскимъ рѣшеніемъ, приводилъ другую жалобу, которую еще усилилъ множествомъ выраженій болѣе обиднаго смысла, именно: что Иванъ Александръ Горцинъ (Horgzin), Эбергардъ Васенбергъ (Wassenbergius) Твардовскій (Twardowius), Виленская Академія и другіе, въ изданныхъ ими, съ вѣдома и согласія Короля, книгахъ превозносили трофеи Владислава и торжество его надъ Московією, къ великому поношенію покойнаго Царя, Михаила, и всѣхъ прочихъ Москвитинъ, что было явное нарушеніе Поляновскаго договора, согласно постановленію котораго такія вещи должны быть преданы вѣчному забвенію, и необходимо требуетъ возмездія оружіемъ со стороны Царя, если Король и Республика не удовлетворятъ его за нанесенную обиду отдачею Смоленска, а Бояръ уплатою 50 тысячъ золотыхъ (aureorum).

Поляки отвѣчали, что обвиняемые писатели—люди вольные въ свободной Республикѣ, и издали свои книги, на которыя нападаютъ Москвитяне, безъ вѣдома Короля и Сената. Впрочемъ, какъ бы это ни сдѣлалось, Поляки не понимаютъ, съ чѣмъ это

сообразно, чтобы за оскорбленіе добраго имени Царя вознаграждать возвращеніемъ Смоленска, а за обиду, нанесенную Московскому народу, уплатою количества золота. На будущее время отъ такихъ торговыхъ сдѣлокъ за обиды, унижительныя для особъ Княжескаго званія и честныхъ людей, доброе имя ихъ еще скорѣе подвергнется опасности.

Посолье было не столько несговорчивъ, чтобы настаивать на своемъ предложеніи, однако жъ объявилъ, что Поляки могутъ удовлетворить его вполне, если вырвутъ изъ книгъ страницы, обидно злословящія Царя и народъ его и, предавъ ихъ всенародно сожженію по всей справедливости, загладить дѣйствіе не заслуженной Москвитянами обиды и покарають дерзкое оскорбленіе Величества. Этому онъ и добился. Но хоть и были сожжены этѣ страницы, память объ ихъ содержаніи никакъ не сгорѣла, напротивъ еще засіяла ярче, озаренная такимъ пламенемъ. По тому что въ людяхъ возбуждено было любопытство узнать, что бы тутъ было такое, что столько хлопотали скрыть Москвитяне, даже до того, что и пустившихъ это въ огласку приговорили къ сожженію. Да и въ самомъ дѣлѣ, это безуміе, стоящее того, чтобы послать его на Антикиру¹ пить чемерицу, если кто разсердится на писателей, вѣрно передающихъ потомству его проступки, или перенесенныя имъ невзгоды. По тому что, относительно первыхъ, не должно дѣлать ихъ совѣмъ, такъ и не станутъ ихъ описывать. А если кто поступаетъ несогласно съ правилами справедливости, то съ какого же права и требовать ему, чтобы какой ни будь иностранный писатель поберегъ больше его добрую славу, нежели бережетъ ее самъ онъ своимъ преступнымъ образомъ дѣйствій? Относительно же послѣднихъ, такъ какъ нельзя ему ставить въ порокъ случайностей, которыя пошли на перекоръ его разумнымъ усиліямъ, посланы неожиданно злою его судьбой и перенесены имъ равнодушно и мужественно, то не изъ чего ему и гнѣваться, что въ книгахъ запишутся вины его счастья, а не его собственныя.

Потомъ, для продолженія заведеннаго дѣла о титулахъ, въ

¹ Anticyra, городъ въ Фтіодидѣ, при устьѣ р. Сперхіи, въ древней Греціи: въ его окрестности росла лучшая чемерица. *Helleborus niger* растетъ на горахъ въ Силезіи, Чехіи, Италіи, южной Франціи и Греціи. Естественныя растенія признають *radix Hellebori orientalis* за настоящую черную чемерицу Иппократа, считавшуюся въ древности лѣкарствомъ отъ сумасшествія. *Helle-*

назначенное время явились на Варшавскомъ сеймѣ присланные изъ Москвы: Аѳанасій Осиповичъ Пропчицевъ (Afanasiu Osypowicz Propczyszowius) и Алмазъ Ивановъ (Almasius Iwanowius). По обсужденіи дѣла на точныхъ основаніяхъ Польскаго права, при жаркомъ спорѣ сторонъ, Король Іоаннъ Казимиръ далъ рѣшительный приговоръ, согласно съ мнѣніемъ сейма:

1. Что это дѣло чисто личный поступокъ умершихъ уже людей, по законамъ Республики, должно прекратиться и не можетъ переходить на наслѣдниковъ покойныхъ.

2. Что постановленіе Владислава брата о титулахъ не имѣетъ обязательной силы для тѣхъ, которые еще до изданія этого закона надѣлали ошибокъ въ титулахъ.

3. Что, по законамъ Республики, нельзя отказывать въ присягѣ лицу, требующему ея для очищенія своей невинности.

4. Что не должно давать большой важности какой ни будь незначительной ошибкѣ, вкравшейся ненамѣренно, по неосмотрительности, или невѣдѣнію, писца.

5. Что находящіеся еще въ живыхъ лица, которыя, получивъ законную повѣстку явиться въ судъ лично, или чрезъ повѣренныхъ, по небреженію не явились, по законамъ Республики, подвергаются казни за Государственную намѣну.

Этотъ приговоръ не успокоилъ Москвитянъ: они, называя его неправильнымъ и насмѣшливымъ, протестовали, и отказали даже доставить списокъ съ него своему Государю.

И такъ Іоаннъ Казимиръ принужденъ былъ отправить потомъ къ Алексѣю съ письмами Альберта Прелавскаго (Alberto Praelawski) и Казимира Унеховскаго (Casimiro Uniechowski), ² чтобы они заявили ему правильность этого приговора. Это было напрасно: Алексѣй отвѣчалъ, что скоро пришлетъ къ Королю Великихъ Пословъ, которые успѣшнѣе вытребуютъ у него и Республики казнь виновнымъ.

Въ 1653 году Великіе Царскіе Послы нашли Короля въ станѣ

lapis niger извѣстенъ въ Аптекахъ, хотѣ и не пользуется арканою знаменитостью.

² По словамъ «Постоянныхъ Дворцовыхъ Записокъ» времени Михайла Федоровича и Алексѣя Михайловича (М. 1769), это были: Альбрехтъ Пенцеславскій и Христофоръ Казимеръ Унеховскій, а по словамъ «Собора объ объявленіи войны Польшѣ 1653 г., Октября 1,» первый наивнѣе Пенцлавскій, а послѣдній—Унеховскій. О. Б.

у Львова, и повторили свое требованіе: послѣ многихъ съ обѣихъ сторонъ убѣжденій, они сказали наконецъ, что Государь ихъ охотно отстанетъ отъ этихъ настойчивыхъ требованій, если только увидитъ свое посредничество у Короля въ такомъ почетѣ, что онъ проститъ Запорожскимъ Козакамъ вину ихъ возстанія и, позабывъ имъ все прошлое, снисходительно приметъ ихъ въ нѣдра своей милости.

Во избѣжаніе всякихъ предлоговъ къ войнѣ, Король поручилъ нѣкоторымъ изъ вельможъ, чтобы они, виѣстѣ съ Царскими Послами, разсудили хорошенько, не найдется ли возможности сдѣлать угодное Царю въ этой его просьбѣ? Совѣтъ тѣмъ Москвитяне потребовали еще Зборовскаго договора (*pacta Sborowiensia*) для возставшихъ, а Королевскіе уполномоченные удачно доказали имъ, что новымъ своимъ возстаніемъ сами Запорожцы повторительно оказали пренебреженіе къ этому договору, и что благодѣяній его они дважды лишились по своей винѣ. Послы настаивали, чтобы, по крайней мѣрѣ, истребили корень несогласій съ Запорожцами, ограничивъ ту Вѣру, которая, по согласію ея съ Римскою Церковью, называется Унитскою и всегда, составляя замыслы на истребленіе Греческаго обряда, была причиною этой войны съ Запорожцами. Однако жъ, постоянно опровергаемые чрезвычайнымъ множествомъ злодѣйскихъ и святотатственныхъ дѣлъ, совершенныхъ Запорожцами вездѣ надъ приверженцами одной съ ними Греческой Вѣры, надъ ихъ церквями и священной утварью, Послы, по видимому, успокоились: по тому что они гнушаясь злодѣйствами Запорожцевъ и воплиъ негодуя на нихъ, объявляли совершенно удовлетворенными и себя, и своего Государя.

Но только что вернулись они къ Алексѣю, какъ онъ, выславши войско, укрѣпилъ внутреннюю стражей Кіевъ, Бѣлую Церковь (*Bialoszerkuiam*) и другія мѣста, отданныя ему въ залогъ вѣрности Запорожцами и поддерживавъ ихъ въ неповиновеніи. Вскорѣ вторгшись въ Бѣлоруссію (*in Albam Russiam*), онъ быстро овладѣлъ ею всею. Но, не довольствуясь этимъ, ободренный успѣхами, онъ подчинилъ себѣ еще силой всю, остававшуюся безъ обороны, Литву, выжегъ ее, вырѣзалъ ея жителей и опустошилъ.

Въ долгой борьбѣ съ этими и другими несчастіями, внутреннею измѣной, Шведскими завоеваніями, Юаннъ Казимиръ наконецъ изнемогъ подъ ихъ гнетомъ и, потерявъ Государство, бѣжалъ укрыться въ Силезію, съ своею женою Лудовикою Марією. Оттуда онъ, съ полной увѣренностью, просилъ своего двоюроднаго